

ОСЕНЬ ВТОРГЛАСЬ в пределы тепла

семяющей дождливой походкой.

Сквозь прозрачную тонкость стекла

удивишься, что жизнь проплыла

от причала сорвавшейся лодкой.

И под вздохи осенних осин

в вечеряющей пасмурной роще

журавлиный неистовый клин

промелькнет в небесах, словно росчерк

черной тушью на сером холсте.

И опять тишина и свобода.

Одиночество нужно затем,

чтоб понять, что ты любишь кого-то.

ЗДЕСЬ ОСЕНЬЮ такая тишина,

что можно ясно по ночам услышать,

как бледно-серебристая луна

слегка звенит над обветшалой крышей.

Шурша в саду среди опавших звёзд,

крадётся к молоку вчерашний ёжик.

Как много время провело борозд,

оставив дому след на тёмной коже.

Незряче шаря в облаках рукой,

скрипит натужно дерево-калека.

Из страха перед будущей зимой

зверё подходит к дому человека.

...Такая тишина, что давит грудь —

как будто никого на свете близких.

Приходит ёж, лакает Млечный Путь

из старой, чуть потрескавшейся миски.

И СНОВА эти колокольни

над гладью паводковых вод,

где прежде тихий и раздольный
струился жизни плавный ход.

Тех колоколен островерхих,
церквей блаженный белый свет
над водами — как скорби вехи.
Но даже их почти уж нет.

Царю людскому и морскому
живая дань принесена.
Ищи. Но сыщешь ли искомый
свой клад, где мрак и глубина?

Там, где в воде по пояс стоя,
полуостанки тех церквей
под неусыпный гул прибоя
отпугивают пескарей

и рыбаков случайных взгляды.
Где в каждом рокоте волны
ты слышишь колокол надсадный
по тем, что здесь погребены.

ТЫ НЕ УСЛЫШИШЬ, не скажу: взгляни
хоть напоследок ласковее прочих.
Увидишь сам: горят в траве огни —
вот светляки! — причуда белой ночи.

Услышишь сам: далёкая гроза
подкралась к дому, требует расплаты.
Мой голос вплёлся в птичьи голоса,
звенит прохладой в дебрях дикой мяты.

Над колыбелью тихой и святой
к чужому сыну, прямо к изголовью,
сны призывает. Ну, а ты, чужой,
неволю так же путаешь с любовью?

И так же не простил? На судный день
я принесу — что в памяти хранила:
вот эту запылённую сирень,
тетрадный лист — поющие чернила,
гул сосен бронзовых, приветливую тень
и то, что мне казалось — я забыла.

МЕЛКИЙ убористый почерк
В старых отцовских тетрадах.
Для расстановки всех точек
времени больше, чем хватит.

Сколько взаимных промашек
выявит эта морока?

...В ржавчине листьев опавших
в крике зайдётся сорока.

Небо обрушится ливнем,
всё станет тише и глуше.
Пропасть разделит незримо
тех, кто ушёл, и живущих.

Что ж ты прощения просишь? —
впору прощать. И молиться.
Осень — кладбищенский сторож
тени отбросит на лица.

Карелия

НОЧИ БЕЛЫ, закаты алы,
скалы вереском поросли.
Мне и жизни, наверно, мало
позабыть эту часть земли.

Этот край, где громады елей
опрокинуты в озера.
Край, где мох белоснежно-белый
и лесам не видать конца.

В перекатах речушки горной
слышу северный говорок.
Ты прости мне характер вздорный
и пусти к себе на порог.

Где-то счастье моё сторожко
прописалось в твоих лесах
вкусом спелой, как мёд, морошки,
криком ястреба в небесах.

Я ПОМНЮ: лодки на приколе
И деревенская тоска,
За речкой дремлющее поле,
Над ним — стога и облака.

И чей-то голосок высокий
С дороги еле различим...
В прибрежных зарослях осоки
Мы смотрим в небо и молчим.

И слушаем, как лодки мерно
Бортами бьются над волной.
Со стороны нелеп, наверно,
Наш тихий благостный покой.

А нам ни до кого нет дела —
Соседки проглядят глаза.
К тебе на руку робко села
Сверкающая стрекоза.

И хочется коснуться чуда,
Но не спугнуть бы мне его.
— Ты будешь помнить это?

— Буду...
Покой и больше ничего.

И вот когда над тем же полем
Грозою вспыхнет полдень весь,
Я вспомню лодки на приколе
И вдруг поверю — счастье есть.